

Морозов Илья Леонидович

доктор политических наук, директор научно-образовательного центра «Комплексная безопасность» Волгоградского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

**ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА
В СФЕРЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ ПО ЛЕГИТИМАЦИИ
ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОРЯДКА
СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ –
ТЕНДЕНЦИИ, ПРОБЛЕМЫ, РЕШЕНИЯ**

Аннотация:

Информационная безопасность в современном постиндустриальном «оцифрованном» мире становится одним из ключевых элементов в системе национальной безопасности государства. Автор статьи отмечает, что российская государственная политика в сфере информационной безопасности реализуется по «жесткой» модели: ставка на силовые структуры и запретительные меры, стремление контролировать каналы передачи больших данных, задача монополизировать или как минимум взять под контроль основные источники генерации массовой информации. В качестве рекомендаций по оптимизации государственной информационной политики автор предлагает следующее: укрепить взаимодействие государственных институтов с некоммерческими организациями, общественными движениями и иными элементами гражданского общества; перейти от запретительной модели информационного противоборства к комбинированной, сочетающей как контрпропаганду, так и готовность к диалогу с внешними политическими акторами по взаимным интересам; активизировать работу государственных органов по соблюдению законности оборота информации в новейших коммуникационных системах; ввести в систему подготовки государственных и муниципальных служащих развитие компетенции противодействия информационной политической агрессии.

Ключевые слова:

информация, безопасность, государственное управление, идеология, патриотизм, цензура.

Morozov Ilya Leonidovich

D.Phil. in Political Science, Director, Scientific Educational Center “Integrated Security” of Volgograd Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

**STATE POLICY IN THE FIELD
OF INFORMATION SECURITY
ON LEGITIMACY
OF THE POLITICAL STRUCTURE
OF MODERN RUSSIA –
TRENDS, PROBLEMS, SOLUTIONS**

Summary:

Information security in the modern post-industrial “authorized” world is becoming one of the key elements in the state’s national security system. The author of the article notes that the Russian state policy in the field of information security is implemented according to a “tough” model: reliance on law enforcement agencies and prohibitive measures, the desire to control the transmission channels of big data, to monopolize or at least take control of the main sources of media generation. As recommendations for optimizing the state information policy, the author proposes to strengthen the interaction of state institutions with non-profit organizations, social movements and other elements of civil society. Moreover, it is needed to move from a prohibitive model of informational confrontation to a combined one, combining both counterpropaganda and readiness for dialogue with external political actors on mutual interests; to step up the work of state bodies in compliance with the legality of the circulation of information in the latest communication systems. It is also proposed to introduce the development of competence to counter informational political aggression into the system of training the state and municipal employees.

Keywords:

information, security, public administration, ideology, patriotism, censorship.

Государственное управление представляет собой сложную систему субъект-объектных отношений, направленных на поддержание социальной стабильности и правопорядка, создание условий для материального и духовного благополучия граждан. При этом субъектом государственного управления выступают специализированные институты, наделенные властными полномочиями и осуществляющие деятельность на профессиональной основе, объектом – как общественные (не наделенные властными полномочиями) институты, социальные группы, так и протекающие в обществе социально-экономические процессы.

Выстраивание субъект-объектных отношений невозможно без информационного взаимодействия, осуществляемого в большинстве случаев специализированными медиаторами, среди которых ведущую роль играют СМИ, хотя одной из ключевых особенностей современного развития является возникшая благодаря цифровым технологиям возможность коммуникации субъекта

и объекта власти напрямую, без участия посредников [1]. Возможности и политические последствия этого феномена полностью не изучены. Информационно-коммуникативная подсистема представляет собой неизменный элемент в политической системе любого типа. Информация как носитель управленческих команд, реакций объекта, политических идеологем выступает как незаменимый компонент взаимодействия субъекта и объекта управления. Осмысление значения информации, ее видов и функций – одна из задач современной политической науки [2].

Реагируя на современные вызовы и угрозы в информационной сфере, Россия выстраивает и постоянно модернизирует собственную систему государственных органов по управлению сферой информационной безопасности. Данный процесс активизировался с 1999 г. и интенсивно развивается по настоящее время. Под информационной безопасностью Российской Федерации понимается состояние защищенности ее национальных интересов в информационной сфере, определяющихся совокупностью сбалансированных интересов личности, общества и государства [3]. Государственное управление указанной областью реализуется как осуществляемая на правовой основе деятельность соответствующих ведомств и должностных лиц, привлекающих к работе в том числе негосударственных акторов. Современные особенности международного и внутригосударственного политического процесса определили следующий характер системы государственного управления России в сфере информационной безопасности: закрепились ведущая роль силовых структур, сосредоточившихся на противодействии информационным компонентам политического экстремизма, в том числе с использованием сети Интернет (например, Главное управление по противодействию экстремизму Министерства внутренних дел РФ) в ущерб усилиям по выстраиванию взаимодействия с гражданским обществом, повышению чувства гражданской ответственности и культуры цифрового общения населения.

Российская нормативно-правовая база, регулирующая процесс принятия и реализации управленческих решений в области информационной безопасности, может быть охарактеризована как развитая, охватывающая широкий спектр действий государства, гражданского общества, личности, она носит выраженный запретительно-регулятивный характер. Установлена эволюция нормативно-правовой базы в сторону расширения сфер регулирования, появления дополнительных норм и запретов, ужесточения санкций за их нарушение. При этом ряд правовых дефиниций, например определение экстремизма, умышленно оставляются в неконкретизированном состоянии, позволяющем толковать их максимально широко и применять для вынесения обвинительных приговоров и запретительных решений.

Основные потенциальные угрозы в информационной сфере российское руководство видит не столько в киберугрозах военного характера (несанкционированном вмешательстве в системы управления войсками, отдельными единицами военной техники или технологиями опасных производств), сколько в свободном распространении информации политического пропагандистского характера, потенциально способной привести к порыву легитимности органов государственной власти и утрате политической элитой контроля над населением.

В спектре теорий «управляемого хаоса», на которых основаны политические практики информационных атак на современные политические режимы, можно выделить следующие узловые уязвимости современной России.

– Наличие элементов авторитарного политического режима (квазиавторитарность) при внешних атрибутах демократии.

– Консолидация нации вокруг политического образа президента России В.В. Путина, что превращает данный образ в ключевую точку прицела для информационных атак, которые пока не имеют значительного результата, но нет гарантии, что не окажутся успешными в будущем на фоне нарастающего экономического кризиса. В случае компрометации и делегитимации образа В.В. Путина под угрозой дестабилизации окажется весь политический режим.

– Западническое (вестернизированное) мировоззрение заметной части современной российской политической элиты, что проявляется в том числе в стремлении проникнуть в «пространство» комфорта – европейские страны и США, закрепиться в нем путем покупки в собственность недвижимости, размещения финансов, инвестирования в местную экономику, приобретения двойного гражданства, вида на жительство, направления своих детей на обучение в школы и университеты стран Запада. Причем подобный «стиль жизни» парадоксальным образом сочетается с патриотической, а порой и откровенно антизападной риторикой.

– Коррупция, укоренившаяся в государственных институтах на всех уровнях, в органах федеральной и региональной власти, а также в системе местного самоуправления, что потенциально превращает носителей коррупционного мировоззрения в пятую колонну, готовую на предательство национального лидера в кризисный момент.

– Доминирование религиозных компонентов в массовом политическом сознании, что при проведении системных информационных провокаций может обернуться в России распространением религиозного экстремизма, обострением социально-политических конфликтов с разделением сторон по этнорелигиозному маркеру.

Проблемы поддержания легитимности политического режима [4] в условиях давления как со стороны внутренней несистемной оппозиции, так и от оппонирующих России акторов международной системы российские лидеры видят в опоре на патриотические идеологемы, ставя в центр смысловой конструкции образ Великой Победы во Второй мировой войне, возводя политику исторической памяти в ранг государственной стратегической задачи.

Историческая память российского народа может быть охарактеризована следующими чертами.

– Доминирует модель восприятия истории именно русским народом, другие народы России сохраняют своеобразие восприятия, но политические процессы в большей степени замкнуты на русскую модель.

– Историческая память русского народа в меньшей степени ориентирована на территориальный императив. Поэтому относительно безболезненно были восприняты территориальные уступки, на которые пошла Российская Федерация в приграничных спорах с Китаем, Норвегией, ранее США, а провал проекта «Новороссия», подразумевавший отделение от Украины значительных территорий вплоть до Одессы, с перспективной их входа в состав РФ, не стал национальной травмой.

– Историческая память русского народа характеризуется неустойчивостью и кратковременностью образа народа-врага, с которым ранее шли кровопролитные войны. В настоящий момент нет широкой неприязни к шведам, французам, туркам, японцам, немцам [5].

– В то же время присутствует постимперский «травматический синдром», вызванный утратой великой державы (СССР) мирового уровня и сменой политических ориентиров стран Восточной Европы в сторону антироссийской позиции.

– Историческая персонификация образа верховной власти, который связывается с конкретной фигурой национального лидера. Как отмечает на основе проведенных им социологических опросов профессор М.Ю. Урнов, «массовое сознание фантастически пропитано авторитарным комплексом, потребностью в “папе”, который будет опекать, возьмет ответственность на себя. Такова реальность» [6].

Информационная политика современной России во многом базируется на сакрализации образа Великой Победы и всей Великой Отечественной войны [7], поэтому целесообразно отметить связанные с информационно-идеологической эксплуатацией данного образа недостатки и потенциальные риски:

– желание «приукрасить» историческую действительность, обретающую характер священной, сакральной, а значит, и непогрешимой, приводит к возникновению исторических мифов, которые могут быть устойчивы на определенном отрезке времени, но разрушаться на другом;

– использование образа Великой Отечественной войны современной российской пропагандой может сформировать упрощенное восприятие этого исторического события, когда внешний визуализированный образ (исторические реконструкции и игры, снятые в жанре экшн-боевика художественные фильмы и т. д.) заслонит собой рациональное восприятие, несущее историческое знание, из которого можно извлечь объективный опыт на будущее;

– в недостаточной степени используются образы исторической памяти русского народа более далеких исторических периодов, чем Великая Отечественная война, а обращение к дохристианским религиозно-духовным корням восточнославянских племен и вовсе грозит обвинением чуть ли не в политическом экстремизме.

Для оптимизации государственного управления сферой информационной безопасности в российском пространстве следует больше внимания уделять не только государственному, но и гражданскому патриотизму, не только диалогу четырех традиционных конфессий, но и формированию «гражданской религии». Использование образа Великой Отечественной войны должно стать гибче и многограннее, с исключением формализма и преодолением боязни публичных дискуссий по спорным историко-патриотическим темам. Необходимо избегать упрощенного применения «образа врага» к политической оппозиции, формировать полноценный коммуникативный процесс с некоммерческими организациями, общественными движениями, активнее способствовать становлению полноценного гражданского общества [8], основанного как на уважительном отношении к государству и закону, так и на соблюдении прав человека.

Информационное межгосударственное противоборство направлено на нарушение информационного суверенитета оппонента, что позволит оказывать влияние на параметры его полити-

ческого режима, вплоть до свержения. Соответственно, контрдействия противоборствующих сторон ориентированы на защиту своего государственного суверенитета, недопущение внешнего пропагандистского воздействия на политическое сознание граждан и политических (управленческих) элит. Своеобразие современной стадии межгосударственного противоборства в информационной сфере отличается проницаемостью информационных границ, взаимосвязью внешних и внутренних элементов в системе противодействия (например, внутренняя оппозиция в подвергнутом информационной атаке государстве активно использует положительный идеализированный образ другой страны для давления на свой политический режим, который, в свою очередь, стремится представить оппозицию пятой колонной своего внешнеполитического противника, а не в качестве самостоятельного актора, порожденного внутренними проблемами), отсутствием или ослабленной ролью государственной политической идеологии.

Однако ключевым аспектом нам представляется не выяснение эффективности тех или иных технологий пропаганды в отношении государства-оппонента, а выявление путей смягчения информационно-политического противостояния в современном мире. В качестве рекомендаций по оптимизации государственной политики в области информационной безопасности России можно предложить следующее:

- ввести в систему подготовки государственных и муниципальных служащих развитие компетенции противодействия информационной политической агрессии;
- усилить целевую грантовую поддержку научно-исследовательских проектов в сфере информационной безопасности;
- провести выявление и разработку идеологем и смысловых концептов, нацеленных на укрепление национальной идентичности граждан России;
- активизировать работу государственных органов по соблюдению законности оборота информации в новейших коммуникационных системах: социальных сетях, блогосфере, информационных таблоидах и других ресурсах Интернета;
- развивать информационную культуру молодежи и школьников путем введения в информационный и образовательный процесс элементов информационной экологии (этики общения, понимания негативных и позитивных аспектов виртуальных коммуникаций);
- укреплять взаимодействие государственных институтов с некоммерческими организациями, общественными движениями и иными элементами гражданского общества;
- перейти от запретительной модели информационного противоборства к комбинированной, сочетающей как контрпропаганду, так и готовность к диалогу с внешними политическими акторами по взаимным интересам.

Ссылки:

1. Вершинин М.С. Политическая коммуникация в информационном обществе: перспективные направления исследований // Актуальные проблемы теории коммуникации : сборник научных трудов. СПб., 2004. С. 98–107.
2. Ветрова Е.Н. Государственная информационная политика как фактор повышения эффективности государственного управления: современное состояние и приоритеты совершенствования : автореф. дис. ... канд. полит. наук. Орел, 2014. 26 с.
3. Доктрина информационной безопасности РФ [Электронный ресурс] : утв. указом президента РФ № 646 от 5 дек. 2016 г. Доступ из информационно-правового портала «Гарант».
4. Колесников В.А. Политический режим в современной России: аспектный потенциал исследования // Теории и проблемы политических исследований. 2019. Т. 8, № 1А. С. 175–185.
5. «Левада-центр»: Запад – друг для 80 % россиян. Лишь 3 % называют Европу и США «врагом» [Электронный ресурс] // Фонтанка.ру. 2020. 18 февр. URL: <https://www.fontanka.ru/2020/02/18/022> (дата обращения: 11.09.2020).
6. Урнов М. У России нет времени и нет будущего [Электронный ресурс] // Сибкрай.ру. 2012. 19 сент. URL: <https://sibkray.ru/news/1/473315> (дата обращения: 11.09.2020).
7. Об утверждении государственной программы Патриотическое воспитание граждан РФ на 2016–2020 гг. [Электронный ресурс] : постановление правительства РФ № 1493 от 30 дек. 2015 г. Доступ из информационно-правового портала «Гарант».
8. Бельских И.Е. Проблемы развития потребительского патриотизма в России и деловая этика // NB: Экономика, тренды и управление. 2014. № 4. С. 99–113.

Редактор: Тюлюкова Мария Олеговна
Переводчик: Кочетова Дарья Андреевна